

Археология Владими́ро-Сузда́льской земли

Материалы
научного семинара

Выпуск 4

УДК 930.26(470+571)

ББК 63.48(2)

A87

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

Редакционная коллегия:
*Н. А. Макаров, С. В. Шполянский,
М. Е. Родина, И. Е. Зайцева*

Составитель
С. В. Шполянский

A87 Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара / отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М. : ИА РАН; СПб. : Нестор-История, 2012. — Вып. 4. — 288 с.

ISBN 978-5-905987-56-4

*Издание подготовлено в рамках работ по научной теме
«Новые источники по археологии Северо-Восточной Руси»*

Авторы признательны
генеральному директору Владимиро-Суздальского музея-заповедника
С. В. Мельниковой
за организационную поддержку научного семинара
«Археология Владимиро-Суздальской земли»

ISBN 978-5-905987-56-4

- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2012
- © Государственный историко-архитектурный и художественный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2012
- © Коллектив авторов, 2012
- © Издательство «Нестор-История», оформление, 2012

Корректор *В. В. Вересиянова*
Оригинал-макет *Н. Г. Философов*
Дизайн обложки *М. Н. Латынина*

Подписано в печать 06.12.2012. Формат 70x100¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 18
Тираж 500 экз. Заказ № 2726

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7. Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru. www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21. Тел. (812)622-01-23

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

С.Д. Захаров, С.В. Меснянкина

МОГИЛЬНИКИ ПОСЕЛЕНИЯ КРУТИК: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Конец I — самое начало II тыс. н. э. — переломная эпоха в истории Руси. Этот период можно считать начальной точкой отсчета русской истории, временем зарождения древнерусских городов и создания государственности. Летописная традиция выделяет целый ряд регионов и племен, активно вовлеченных в процессы первоначального становления государства. В их число традиционно включают и Белоозеро как место княжения легендарного соратника Рюрика — Синеуса, и территорию, где обитало финское племя весь, упоминаемое на первых страницах летописей. Между тем масштабные археологические работы, осуществленные в Белозерье за последние полвека, выявили существенные расхождения между летописными сведениями и фактическим материалом (Рис. 1).

В ходе продолжительных исследований, проводившихся в историческом центре края городе Белоозеро в 1950-е—1960-е и 1990-е—2000-е гг., были изучены не только древнейшая часть городской территории, но и самые ранние захоронения городского некрополя (Голубева, 1973; Макаров, Новикова, 2001; Захаров, 2004). Результаты этих работ позволяют обоснованно утверждать, что начальные слои Белоозера датируются временем не ранее середины X в. и между летописным упоминанием города и его реальным возникновением существует хронологический разрыв протяженностью около века (Захаров, 2004. С. 65—68, 107).

До недавнего времени не ставилась под сомнение и достоверность летописного сообщения о том, что «на Беле озере седять весь». С опорой на него историки и археологи традиционно рассматривали территорию вокруг Белого озера в качестве ядра (или одного из ядер) ареала веского расселения. Между тем многолетние полевые обследования районов, прилегающих к берегам озера, проведенные в 1980-е—1990-е гг., выявили парадоксальную ситуацию. В центральном Белозерье памятники IX—X вв., сопоставимые с летописной эпохой призвания варягов, крайне малочисленны, а основная масса поселений появляется здесь не ранее второй половины X в., относясь уже к другому историческому периоду. Такая ситуация, с учетом значительного количества ярких памятников I тыс. н. э., открытых в юго-западном Белозерье и обоснованно сопоставляемых с весью, позволила высказать предположение о том, что Белое озеро находилось за пределами основного ядра племенной

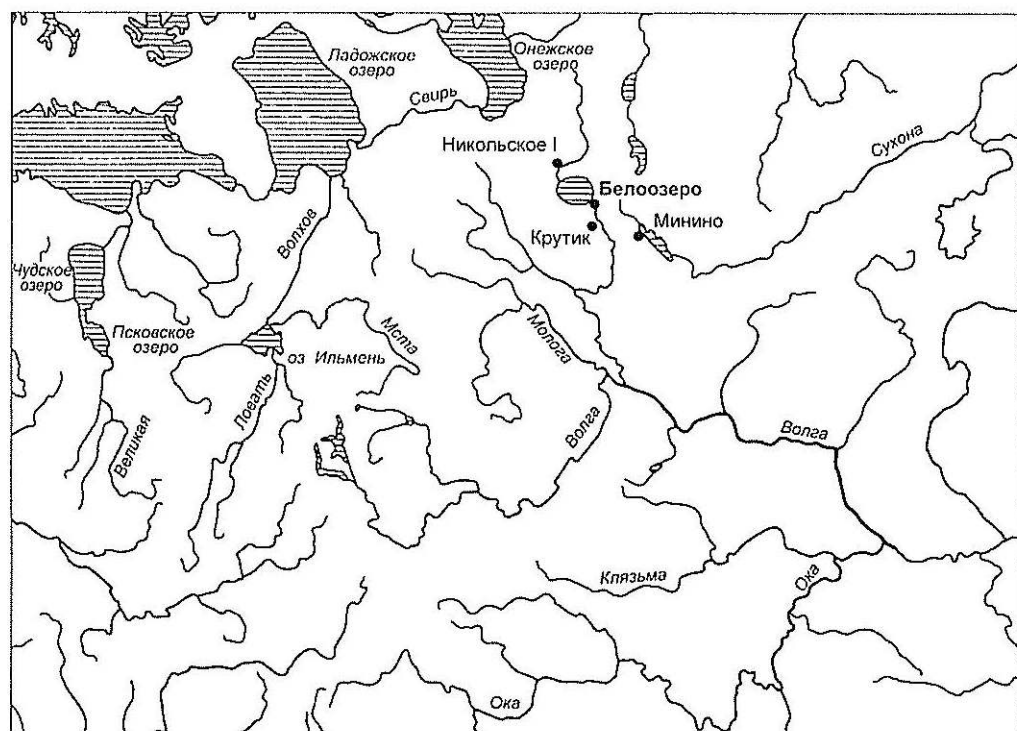

Рис. 1. Памятники центрального Белозерья, упоминаемые в работе

территории веси, на ее периферии (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001. С. 188–198; Макаров, 2009. С. 91–92).

Отмеченные противоречия привлекают к себе особое внимание на фоне возрастающего в последние десятилетия доверия исследователей к общей канве событий, изложенных на начальных страницах русских летописей. Признание достоверности исторического контекста известного «Сказания о призвании варягов», базирующееся на результатах новейших раскопок таких реперных для ранней эпохи памятников, как Рюриково городище, Новгород, Ладога, требует детальной оценки культурно-исторической ситуации, сложившейся в центральном Белозерье на рубеже тысячелетий. Подобная оценка может быть дана только на основании новых археологических материалов, особое место среди которых принадлежит погребальным древностям. Но до недавнего времени решение этой задачи осложнялось одним обстоятельством — ранние могильники в центральном Белозерье были практически неизвестны. Ситуация изменилась после того, как в 2008 г. удалось обнаружить некрополь поселения Крутик — одного из древнейших памятников региона, а в 2009 г. — еще один могильник этого поселения.

Поселение Крутик, существовавшее в IX–X вв. в верхнем течении р. Шексны, хорошо известно в археологической литературе. Оно относится к числу немногих памятников центрального Белозерья, возникших в конце I тыс. н. э. — на начальных этапах становления древнерусского государства. Памятник не имеет каких-либо искусственных укреплений, но располагается на моренном останце с относительно

крутыми склонами. Широкомасштабные раскопки Крутика, обнаруженного в 1939 г. ленинградским археологом П.А. Суховым, проводились в 1970-е—1980-е гг. Л.А. Голубевой (Голубева, Кочкуркина, 1991). Уникальная сохранность культурного слоя, содержащего чрезвычайно яркий и обильный вещевой материал и богатейшие палеоэкологические остатки, позволила обоснованно отнести этот памятник к числу эталонных для изучения процесса освоения периферийных северных территорий. Опираясь на результаты раскопок, Л.А. Голубева сопоставила Крутик с поселениями, получившими в археологической литературе название торгово-ремесленных, или «протогородских». В этнокультурном плане Крутик был охарактеризован как памятник белозерской веси, еще не испытавшей сильного славянского влияния.

В ходе многолетних работ на Крутике была вскрыта значительная по размерам площадь — около 1600 кв. м, и до недавнего времени считалось, что поселение исследовано практически полностью. Однако в 2006 г. на памятнике удалось выявить новые, неизвестные ранее участки культурного слоя. Учитывая эти обстоятельства, а также ключевую роль Крутика в воссоздании ранней истории региона, в 2008 г. при финансовой поддержке РГНФ¹ раскопки поселения были возобновлены.

Отличительными чертами нового цикла работ стали комплексный характер исследований и применение принципиально иной стратегии ведения раскопок. Основная цель нового подхода — при вскрытии небольших по площади участков культурного слоя получать максимальное количество репрезентативной и достоверной информации, достаточной для детальной реконструкции различных аспектов жизни средневекового общества.

Использование новой методики уже за четыре года работ позволило получить качественно новую информацию о характере и особенностях развития поселения. На его северной окраине, за пределами установленных ранее границ, был вскрыт участок площадью 58 кв. м и собрана вещевая коллекция общим объемом свыше 3500 индивидуальных находок. Здесь удалось выявить обособленную ремесленную зону и исследовать несколько последовательно сменявших друг друга производственных объектов конца IX—X в., связанных с косторезным, бронзолитейным и железообрабатывающим ремеслами. Несмотря на относительно небольшую раскопанную площадь, полная промывка напластований позволила собрать необычную по объемам коллекцию вещевых и палеоэкологических материалов. Причем по целому ряду категорий находок, таких как дирхемы, стеклянные бусы и бисер, железные иглы, отходы ремесленного характера и др., новое собрание в несколько раз превосходит коллекцию, полученную за все годы предшествующих работ на Крутике (Захаров, 2010; 2010а).

Однако наиболее интересным и важным открытием нового цикла исследований Крутика можно считать обнаружение погребальных комплексов с кремациями, которые в предыдущие годы, несмотря на целенаправленные поиски, выявить не удалось. В 2008 г. в ходе детальных обследований окрестностей поселения был найден основной некрополь Крутика — могильник Кладовка I — и начаты его раскопки. Продолжение разведочных работ в ближайшей округе памятника принесло еще одно неожиданное открытие. В 2009 г. был выявлен второй некрополь — могильник Кладовка II. При этом важно отметить, что при раскопках могильников также использовалась методика полной промывки исследованных напластований, что позволило

¹ Проекты РГНФ №№ 08-01-18118е, 09-01-18127е, 10-01-18050е; 11-01-18117е, 12-01-18036е.

обеспечить практически 100 %-ный сбор вещевых, керамических и антропологических материалов.

Оба могильника не имеют каких-либо внешних, выраженных на поверхности признаков. Они удалены от поселения и друг от друга на примерно одинаковые расстояния, но существенно различаются по топографии. Первый некрополь расположен на узкой, длинной и весьма высокой моренной гряде, имеющей на большей части своего протяжения относительно плоскую вершину и крутые склоны. Ширина гряды в основании достигает 40–50 м, уплощенная площадка наверху имеет среднюю ширину в 5–10 м, на отдельных участках расширяясь до 20 м. Общая длина гряды составляет около 380 м, а ее высота над окружающей местностью колеблется от 3 до 5,5 м. Поскольку могильник не имеет внешних признаков, точное определение его границ будет возможно только после полного изучения. Однако проведенные работы позволяют полагать, что он занимает участок гряды размерами приблизительно 75 × 30 м, находящийся примерно на 5–7 м ниже уровня основной площадки поселения.

Второй памятник — могильник Кладовка II — в отличие от первого, располагается на небольшом, слабо заметном на местности всхолмлении размерами примерно 75 × 45 м и высотой до 1–1,5 м над окружающей территорией. В высотном отношении он находится существенно ниже площадки поселения — на 8–9 м. По имеющимся данным, размеры некрополя могут составлять около 40 × 15 м.

Значимые различия в топографии выбранных для могильников участков подчеркиваются и разницей в составе почвообразующих пород. По наблюдениям почвоведом к. г. н. А.В. Долгих, для могильника Кладовка I характерно наличие верхнего супесчаного чехла толщиной до 30–40 см над суглинистой мореной. На втором могильнике такой чехол отсутствует, здесь с самого верха фиксируются отложения более тяжелого состава — глины и суглинки. Вместе с тем при зримых различиях в топографии могильников можно отметить одну особенность, сближающую их. В пределах тех возвышенностей, на которых располагаются памятники, они занимают не самые высокие площадки или иным образом выраженные в рельефе точки, а топографически ничем не выделяющиеся участки склонов с северо-западной экспозицией.

За четыре года исследований на первом могильнике двумя раскопами и двумя шурфами было изучено 129 кв. м и собрана коллекция материалов, включающая в себя 2772 индивидуальных находки, 9,7 кг керамики (4530 фр-тов) и 1,96 кг кальцинированных костей (30 384 фр-та). На некрополе Кладовка II было вскрыто 28 кв. м. Здесь обнаружена 371 находка, 0,5 кг керамики (439 фр-тов) и 0,31 кг кальцинированных костей (6477 фр-тов). Существенная разница в насыщенности памятников материалами (в 2 раза по индивидуальным находкам и кальцинированным костям и более чем в 5 раз по керамике), вместе с уже отмеченной разницей в размерах, позволяет утверждать, что основным некрополем Крутика являлся могильник Кладовка I.

На обоих могильниках толщина напластований, содержащих антропогенные материалы, колебалась от 10 до 30 см. И здесь и там были расчищены материковые ямы разных размеров, в которых присутствовали кальцинированные кости и обожженные и оплавленные вещи. На первом могильнике ям, которые можно отнести ко времени его функционирования, зафиксировано 13, на втором — 6. Обряд кремации с помещением обожженных костей и побывавшего в огне погребального инвентаря в грунтовые ямы различных размеров и формы относится, очевидно, к числу

наиболее широко распространенных в лесной полосе Восточной Европы во второй половине I тыс. н. э. На ряде погребальных памятников помимо этого были отмечены участки, где можно предполагать наличие поверхностного размещения остатков сожжений (Макаров, 2009. С. 181).

Однако детальный анализ результатов раскопок некрополей Крутика позволяет говорить о том, что здесь фиксируется принципиально иная картина. Основная масса материала на обоих могильниках обнаружена вне ям (Рис. 2, 3). На могильнике Кладовка I лишь 7% находок и костей происходят из них. Несколько иная ситуация с керамикой — с ямами связано около 15% находок. Но более $\frac{1}{4}$ всей обнаруженной в ямах керамики, половина индивидуальных находок и треть кальцинированных костей собраны в одной очень большой яме, частично вошедшей в раскоп (яма 4). Ее прослеженные размеры составляют $2,1 \times 1,3$ м, а глубина не превышает 21 см. На могильнике Кладовка II в ямах было собрано около 12% находок и костей, а керамика встречена только вне ям. Причем и здесь подавляющее большинство связанных с ямами находок (более 93% кальцинированных костей и вещей), происходит из одной большой ямы (яма 7), размерами $2,3 \times 1,7$ м при глубине до 20 см. Необычная форма этих двух крупных ям, имевших слабо читавшийся извилистый контур, небольшая глубина, неровная форма дна и особенности заполнения не позволяют отнести их к числу объектов, созданных человеком. Учитывая всю сумму наблюдений, можно полагать, что ямы образовались в результате падения крупных деревьев (ямы от выворотней), а затем были использованы людьми для помещения остатков сожжений.

Большая часть материала как на первом, так и на втором могильниках залегала очень близко к поверхности — на глубине 8–15 см. Принимая во внимание слабую связь находок с ямами и их неглубокое размещение, малое количество в слое углей, представленных мелкими фрагментами, и отсутствие каких-либо следов прокала, можно достаточно уверенно утверждать, что основным обрядом погребения на обоих могильниках было сожжение на стороне с поверхностным рассыпанием вещевого материала и небольшой части кремированных останков на значительных по площади участках. Ведущая роль поверхностного размещения остатков кремаций выделяет могильники Крутика на фоне большинства некрополей конца I тыс. н. э., где такой способ обращения с умершими фиксируется лишь как одна из достаточно редких разновидностей погребального обряда.

Возможно, причина этого заключается в необычной сохранности некрополей Крутика. Дело в том, что многие ранние поселения становились своего рода точками роста и дальнейшего развития своих микрорегионов. Жизнь в их окрестностях и сопровождающая ее сельскохозяйственная активность продолжались непрерывно в течение многих столетий. В результате практически все ранние могильники оказались в той или иной степени повреждены распашкой, стершей многие детали и нюансы погребального обряда. Иная ситуация фиксируется на Крутике, окрестности которого после его запустения заселяются вновь лишь в XIV–XV вв. Пик сельскохозяйственной активности, от которой пострадало и само поселение, приходится здесь на XIX — первую половину XX в. Каких-либо следов пахоты на могильниках в ходе раскопок зафиксировано не было. Эти наблюдения подтверждаются почвенными исследованиями. Поскольку оба памятника поросли лесом, быстро стирающим следы распашки, уверенно говорить о ее отсутствии, по мнению А.В. Долгих, можно только

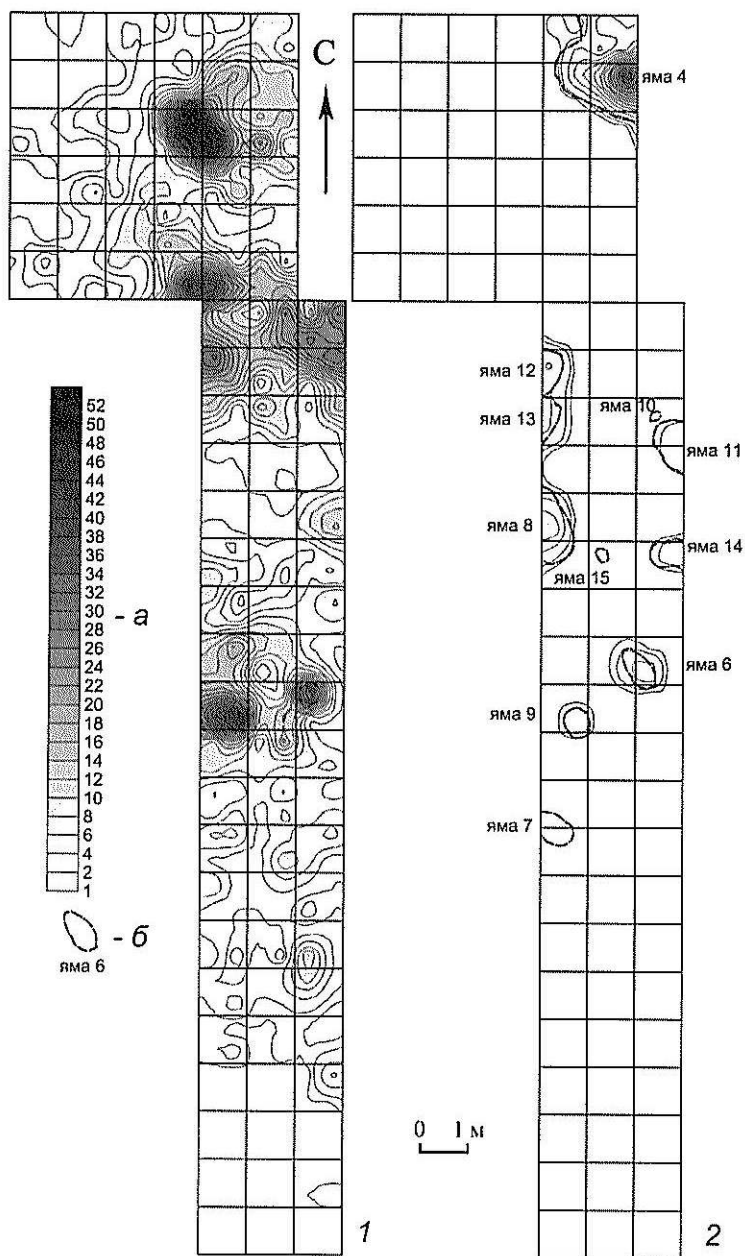

Рис. 2. Могильник Кладовка I, раскоп 1.

Распределение индивидуальных находок по площади раскопа (2547 шт.):

1 — во всех слоях раскопа, кроме ям (93,7 % находок); 2 — в ямах (6,3 % находок);
 а — плотность распределения в штуках на 0,25 кв. м; б — контуры и номера ям

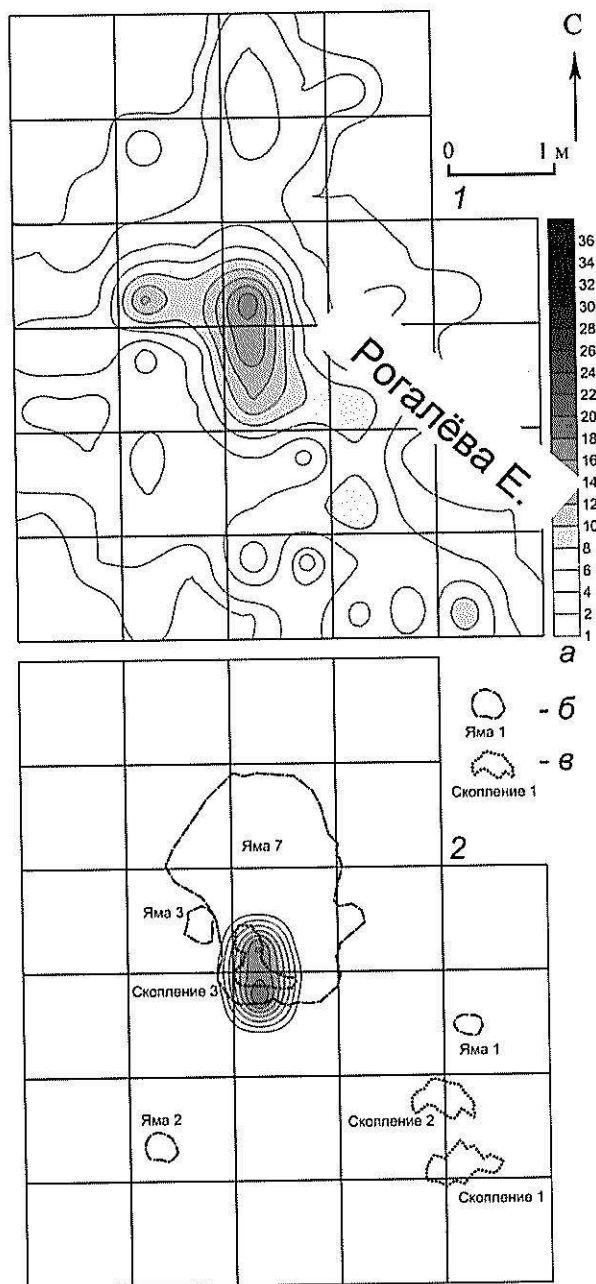

Рис. 3. Могильник Кладовка II, раскоп I.

Распределение индивидуальных находок по площади раскопа (367 шт.):

1 — во всех слоях раскопа, кроме ям и скоплений (88 % находок); *2* — в ямах и скоплениях (12 % находок); *а* — плотность распределения в штуках на 0,25 кв. м;

б — контуры и номера ям; *в* — контуры и номера скоплений

для периода в 150—200 лет. Однако именно он соответствует времени наиболее интенсивного сельскохозяйственного использования окружающей территории, что делает вывод о хорошей сохранности некрополей Крутика более обоснованным.

Единство погребального обряда обоих могильников оттеняется некоторыми различиями в деталях. На основном могильнике за три года исследований не удалось зафиксировать ни одного компактного скопления находок или пятен концентрации материала, которые имели бы четкие границы. Здесь можно выделять только зоны с большей или меньшей насыщенностью находками, разделенные относительно пустыми пространствами. Эти особенности повышают значимость антропологических исследований для понимания деталей и нюансов погребальной обрядности. В настоящее время данная работа только начата, и д. и. н. М.В. Добровольской изучены материалы, происходящие из основной части раскопа 1 на этом могильнике. В первую очередь отмечаются чрезвычайно мелкие размеры костных фрагментов, средний вес которых составляет 0,07 г, что существенно затрудняет их определение. Ряд характерных признаков позволяет говорить о высокой температуре сжигания — свыше 600—700 °С. При этом сжиганию подвергались тела, а не освобожденные от мягких тканей кости. Среди определяемых фрагментов значимо преобладают кости животных, особенно небольших по размерам. В то же время среди костей человека представлены практически все основные части скелета. Минимальное число индивидов, погребенных на исследованном участке раскопа, составляет 12 человек, из которых минимум 2 женщины и минимум 3 ребенка. Хотя достоверность этих расчетов из-за состояния материала не слишком высока, эти цифры чрезвычайно важны. Действительно, если учесть, что на исследованной части раскопа было собрано менее 1,9 кг кальцинированных костей, основная масса которых принадлежит животным, можно полагать, что на одного погребенного человека приходится лишь несколько десятков граммов. Принимая во внимание очень мелкие размеры костных фрагментов, можно говорить о наличии каких-то весьма сложных манипуляций с остатками кремаций, в результате которых на площадку могильника попадала лишь очень незначительная часть сожженных костей. При этом погребальный инвентарь, судя по большому числу вещевых находок (2335 экз. на данном участке раскопа), был представлен в погребениях более полно.

На могильнике Кладовка II при аналогичной общей картине распределения основной массы материала удалось расчистить три небольших скопления, интенсивно насыщенных углем, кальцинированными костями и оплавленными вещами. Одно из них, давшее наибольшее количество находок, связано с уже упоминавшейся крупной ямой 7. Отмечена и некоторая разница в степени обожженности костей: если на первом могильнике все кости сильно обожжены и имеют белый цвет, то на втором встречаются отдельные недожженные фрагменты с темными в изломе участками, хотя средний вес одного фрагмента еще меньше, чем на могильнике Кладовка I — 0,05 г.

Однако самые значимые различия между могильниками фиксируются в наборах погребального инвентаря. Благодаря полной промывке напластований на обоих могильниках, несмотря на небольшую вскрытую площадь, были получены весьма представительные коллекции находок. Безусловно, обряд погребения, при котором невозможно выделить отдельные комплексы, а многие вещи доходят до нас лишь в виде оплавленных обломков, накладывает определенные ограничения на возможности анализа, однако массовость находок создает надежную основу для выводов.

Наиболее многочисленны на обоих могильниках разнообразные бронзовые украшения и стеклянные бусы. Но если на Кладовке I самую массовую группу изделий из бронзы составляют обломки разнообразных шумящих украшений, выполненных в традиционной для финнов технике литья по наборной модели (более трети всех находок из цветного металла; Рис. 4), то на втором некрополе обнаружено лишь несколько привесок, относящихся, очевидно, к одной шумящей подвеске. При этом в инвентаре Кладовки II имеются 9 небольших ширококорогих лунниц, отлитых в двусторонних формах, и впервые обнаруженное на памятниках комплекса шиферное пряслице (Рис. 5). К четырем лунницам приплавилась стеклянные бусы, свидетельствующие о том, что эти украшения входили в состав ожерелья. Пряслице также побывало в огне погребального костра.

Столь явные различия в женском погребальном костюме, являющемся одним из весьма устойчивых этнических индикаторов, можно рассматривать как серьезный аргумент в пользу предположения о разноэтничном составе населения, оставившего эти могильники. Не менее интересными оказываются и результаты хронологического анализа вещевых комплексов некрополей. К важным особенностям могильника Кладовка I относится хронологическая компактность исследованных участков: погребения разного времени размещались в разных частях некрополя. На сегодняшний день удалось выявить две зоны, одна из которых использовалась для захоронений в конце IX — первой половине X в., а вторая — в середине — второй половине X столетия. При этом могильник в целом укладывается в рамки существования поселения, установленные по результатам предыдущих раскопок в пределах второй половины IX — последней четверти X в. (Голубева, Кочкуркина, 1991. С. 43). Иная картина фиксируется при анализе материалов Кладовки II. Все наиболее значимые хронологические индикаторы уверенно указывают на конец X — первую половину XI в., т. е. на период после принятой в литературе даты запустения поселения.

Отмеченные расхождения не могли не вызвать предположения о существовании вблизи Кладовки II еще одного, более позднего, чем Крутик, поселения. Однако проводившиеся в течение четырех сезонов тщательные обследования окрестностей комплекса позволяют утверждать, что другого поселения в данном микрорегионе нет и материалы этого времени следует искать на самом Крутике. Перспективность подобных поисков подтверждается первыми результатами работ на восточном склоне поселенческого холма, где были начаты исследования еще одного производственного объекта, связанного, очевидно, с обработкой металлов. В коллекции собранного здесь вещевого материала имеется представительная подборка навитого бисера, нижняя дата которого, по имеющимся на сегодняшний день данным, определяется временем не ранее начала XI в.

Возвращаясь к вещевым собраниям могильников, следует подчеркнуть, что помимо отмеченных различий между ними фиксируется и не менее значимое сходство. В первую очередь бросается в глаза большое количество деталей поясной гарнитуры. Эти предметы, традиционно относимые к мужской части погребального инвентаря, можно считать одной из наиболее ярких групп находок на обоих могильниках. На первом некрополе обнаружено 139 предметов этой категории, среди которых по типологическим и стилистическим особенностям можно выделить не менее 10 поясных наборов с количеством накладок в одном наборе до 28 штук. На втором могильнике выявлены два набора с 28 и 29 накладками, а общее количество деталей

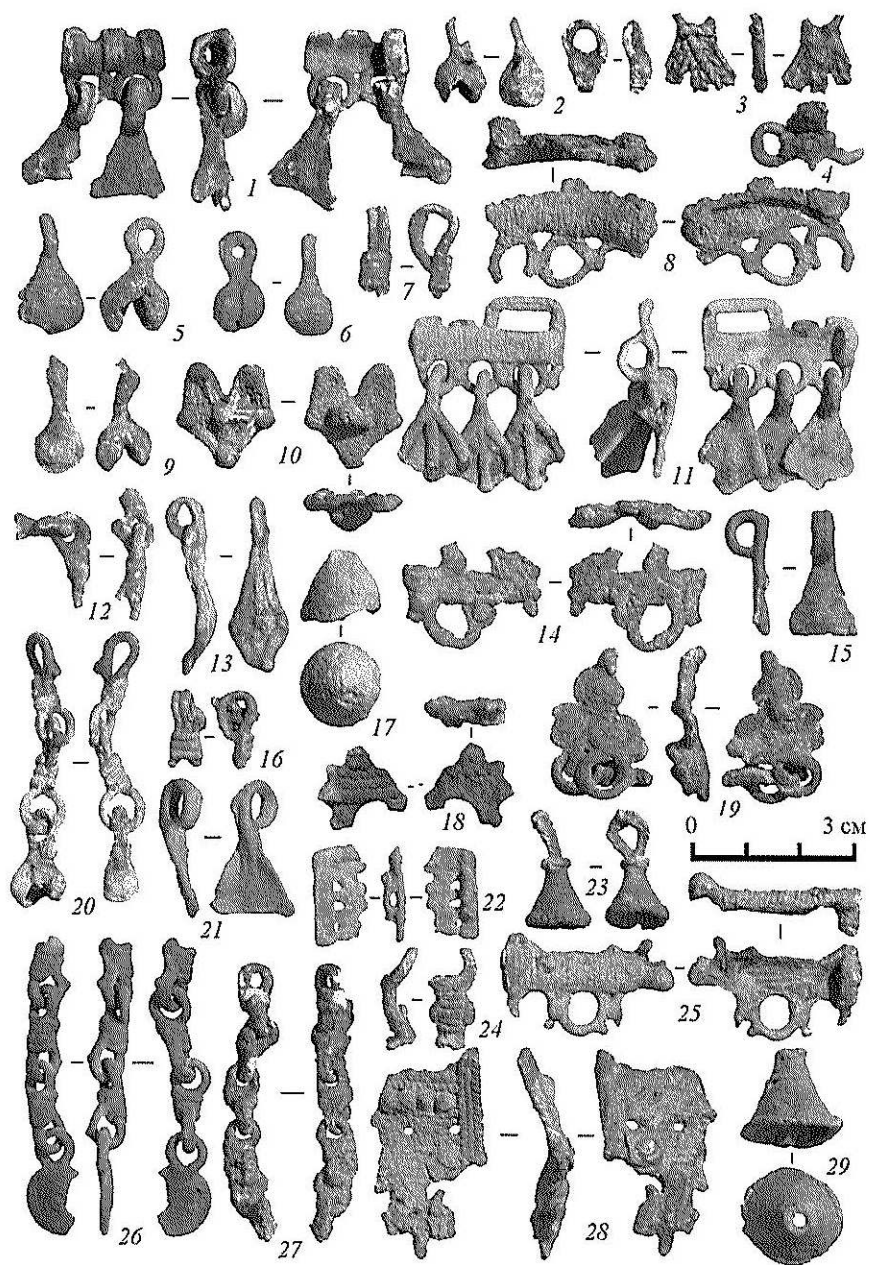

Рис. 4. Шумящие украшения и предметы, выполненные в наборной технике, из могильника Кладовка I

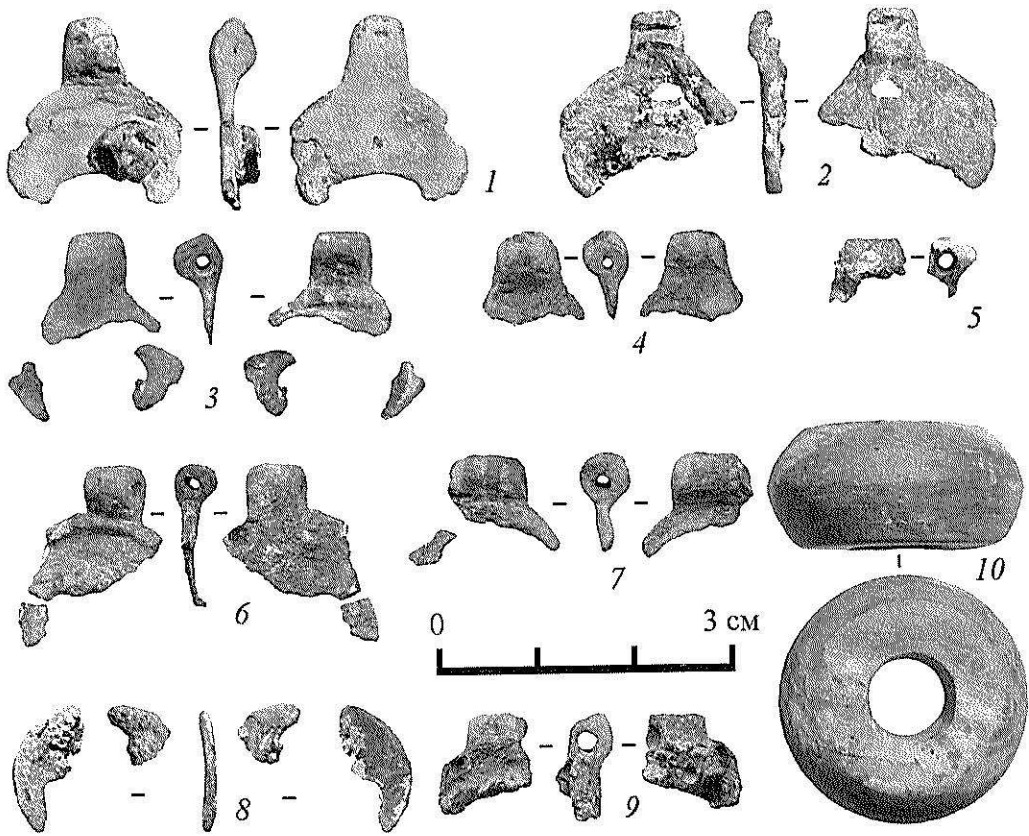

Рис. 5. Бронзовые лунницы и шиферное пряслице из могильника Кладовка II

поясной гарнитуры составляет 64 предмета. Поясные наборы оказываются весьма важны и для понимания особенностей погребального обряда, поскольку это единственная группа находок, дающая представление о характере размещения отдельных погребений на площадках могильников. Анализ планиграфии накладок показывает, что на некрополе Кладовка I максимальное расстояние между бляшками, относящимися к одному поясу, колебалось от 4,5 до 7,5 м (Рис. 6), а на Кладовке II — от 4 до 5,5 м.

На обоих могильниках чрезвычайно малым числом представлены орудия труда. Особенно удивляет практически полное отсутствие находок из железа, чья доля в вещевых коллекциях не превышает 3,5%. В раскопах на Кладовке I помимо фрагментов игл, собранных в количестве 27 экз., обнаружены лишь один обломок ножа, клин и обломок лезвия от топора; на Кладовке II железные орудия труда отсутствуют полностью. Поскольку на первом могильнике помимо игл встречены накладки из очень тонких железных пластинок, а на втором — цепочка из железной проволоки, считать этот феномен следствием плохой сохранности железа невозможно. Очевидно, такое отношение к железным предметам было одной из особенностей погребального обряда жителей Крутика. Тем более что и клин, и обломок топора не поддаются точной датировке и могли попасть на площадку первого могильника в более позднее время.

Из остальных орудий труда на Кладовке I присутствуют обломки от двух или трех ялячек, а на Кладовке II — уже упомянутое шиферное пряслице.

Нельзя обойти вниманием и еще одну категорию погребального инвентаря — керамику, которая, наряду с женским убором, обычно рассматривается в качестве важного этноопределяющего признака. И в этом компоненте между могильниками прослеживается существенная близость. Она выражается в первую очередь в малом количестве керамики, имевшей слабый обжиг и потому представленной мелкими фрагментами. На всех исследованных участках могильника Кладовка I были обнаружены части от примерно 6–8 сосудов, на могильнике Кладовка II — от трех. Столь малое количество сосудов и их плохая сохранность пока не позволяют дать развернутую характеристику этого материала. Но один весьма важный факт можно констатировать уже сейчас. По составу теста, особенностям обработки поверхности, орнаменту и формам сосудов керамика обоих могильников близка между собой. Ее с полным правом можно отнести к комплексу так называемой белозерской лепной керамики, составляющей один из наиболее ярких признаков материальной культуры белозерской веси. Именно такая керамика характерна для бассейна Белого озера и верхней Шексны, включая и само поселение Крутик (см: Макаров, 1991). Для Кладовки I это наблюдение представляет особый интерес в свете отмеченных отличий набора женских украшений этого могильника от весского и в целом от финского, поскольку согласно широко распространенной теории именно женщины являлись носителями керамических традиций, обладающих значительной устойчивостью.

Первые результаты раскопок могильников Крутика заставляют по-новому взглянуть на устоявшуюся в археологической литературе хронологическую и этнокультурную характеристику этого поселения. Для столь масштабного раскопанного и основательно изученного памятника подобные коррективы выглядят достаточно неожиданными, но они хорошо вписываются в общую картину развития центрального Белозерья на рубеже тысячелетий. Уточнение времени упадка Крутика, выраженное в абсолютных цифрах, может показаться несущественным. Однако появившиеся данные о том, что Крутик продолжал существовать в начале XI в., позволяют окончательно отказаться от попыток считать это поселение непосредственным предшественником Белоозера, сменяющего его во времени и пространстве (Белецкий, 1996. С. 15–16), или претендентом на роль летописного Белоозера IX в. (Башенькин, 1997. С. 22–23). Безусловно, Крутик является одним из древнейших известных на сегодняшний день средневековых памятников центрального Белозерья. Но если раньше его существование воспринималось как ранний и во многом отдельный, обособленный этап в истории развития региона, то сейчас становится понятно, что поселение продолжало активно функционировать не только во второй половине X в., когда началось формирование обширной сети расселения и становление основного политического и экономического центра края — города Белоозера. Жизнь на Крутике продолжалась и в начале следующего исторического этапа, связанного с распространением древнерусской государственности и культуры на Северо-Востоке Руси.

В свете новых данных становится более очевидным единство ритмов развития Крутика и таких знаковых для начальной истории Руси памятников, как, например, Гнездово, Ладога, Рюриково и Сарское городища, также исчезающих или претерпевающих значительные изменения в начале XI в. Привлекает внимание синхронность этого кризиса, одновременно охватившего не только узловые пункты системы

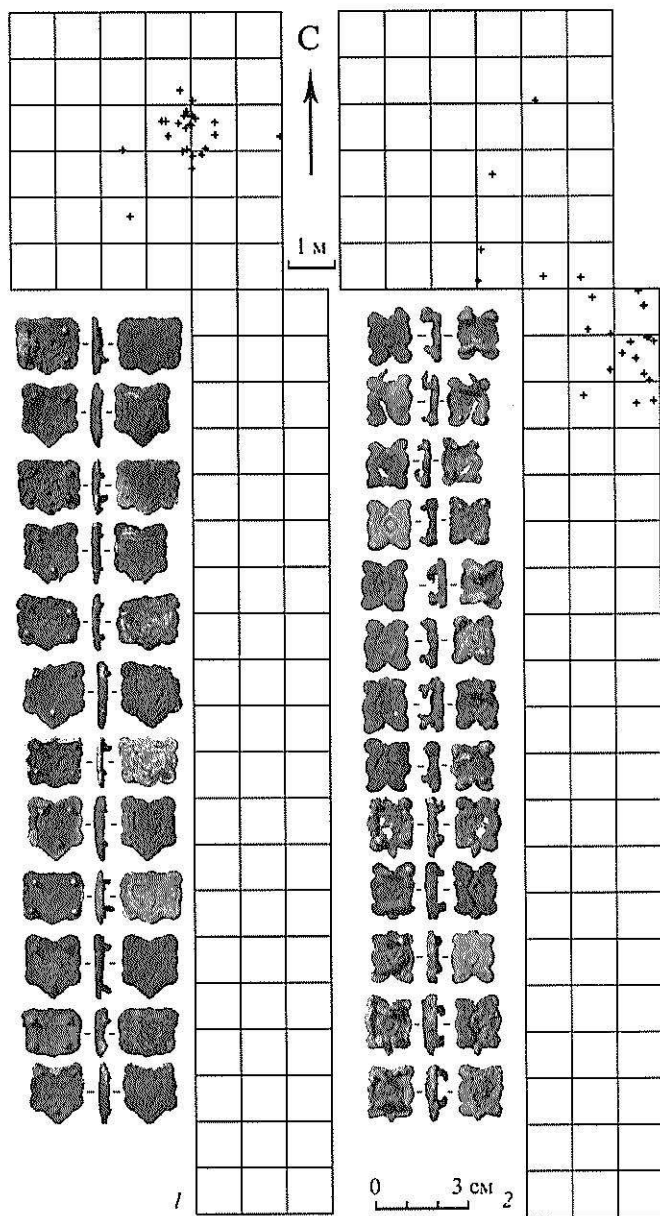

Рис. 6. Могильник Кладовка I, раскоп I. Распределение деталей поясных наборов по площади раскопа:

1 — предполагаемый поясной набор № 1 (28 накладок) и часть накладок из этого набора; *2* — предполагаемый поясной набор № 2 (27 накладок) и часть накладок из этого набора

ранней международной торговли, но и такие периферийные центры, как Крутик, обеспечивавшие наполняемость этой системы самым необходимым для ее функционирования товаром — мехами (Захаров, 2004. Гл. 5).

Не менее интересны и новые данные об этнокультурной ситуации в центральном Белозерье, раскрывающие значительную сложность происходивших здесь процессов. Возникновение Крутика связано, очевидно, с проникновением сюда поволжско-финского, вероятно, мерянского в своей основе или родственного мере населения. При этом набор женских украшений из могильника Кладовка II невозможно расценивать иначе, как свидетельство появления на Крутике в конце X в. новой группы населения, связанной со славянским миром. Появление в Белозерье славянского, точнее, славяно-финского — населения начинается в X в. Безусловно, этот процесс не был одномоментным, и в разных частях столь обширной территории первые следы славян фиксируются в разное время. Очевидно, наиболее ранними можно считать материалы, обнаруженные на северо-западе центрального Белозерья — в низовьях р. Кемы, впадающей в Белое озеро, где зафиксировано несколько сопок и городище Никольское I (см. Рис. 1). Появление групп западного, в том числе славянского, населения датируется здесь в рамках первой половины X в. (Макаров, 1989. С. 91–92; Макаров, Захаров, Бужилова, 2001. С. 85, 346–347; Захаров, 2004). На самом Белозере этот процесс, маркером которого может выступать распространение в городе гончарной керамики, начинается на рубеже третьей и четвертой четвертей X в. (Макаров, 1988. С. 59).

Но наиболее любопытные сравнительные материалы были получены при исследовании памятников Мининского археологического комплекса, расположенного на восточной окраине Белозерья — на Кубенском озере. Их особая роль для прояснения ситуации на Крутике определяется тем обстоятельством, что в свете новых данных выявляется значительная хронологическая близость этих комплексов. Первые поселения в Минино возникают в середине — второй половине X в. В двух могильниках, входящих в мининскую группу, имеются захоронения, твердо датируемые концом X в. И хотя Крутик к этому времени имел, очевидно, уже достаточно длительную историю существования, большая часть материалов, обнаруженных на могильнике Кладовка I, и весь комплекс Кладовки II относятся именно к этому периоду. Не менее значимой является и близость вещевых наборов некрополей. Не только по общему составу погребального инвентаря, но, что важнее, по присутствию и частоте встречаемости достаточно редких групп находок, наиболее полные аналогии материалы Крутика, полученные к настоящему времени, находят в ранних погребениях Минино.

Близок и погребальный обряд, который на начальных этапах Минино представлен кремациями с помещением остатков трупосожжений в материковые ямы или на поверхность земли (Макаров, 2009, С. 91–92). К сожалению, распаханность мининских могильников (Макаров, Зайцева, 2007, С. 134, 136, 144, 157) не позволяет составить точное представление о частоте использования этих вариантов — ясно лишь, что размещение кремированных останков в ямах было распространено в Минино весьма широко.

Каки на Крутике, появление новых групп населения фиксируется в Минино в конце X — начале XI в. Однако здесь оно сопровождается не только вхождением в обиход новых типов вещей, имеющих западное происхождение, но и кардинальными

изменениями в погребальном обряде. Именно в этот период на основном могильнике Минино появляются первые ингумации, сосуществующие некоторое время с кремациями, но постепенно вытесняющие их. Для понимания характера взаимоотношений в складывавшемся в Минино коллективе важно отметить, что, несмотря на существование столь разных взглядов на нормы обращения с умершими, для их погребения используется один могильник. Более того, кремации и ингумации располагаются на одних и тех же участках в непосредственной близости, зачастую перекрывая или прорезая друг друга (Макаров, Зайцева, 2007, С. 180–182. Рис. 169).

Ситуация на Крутике выглядит по-иному. При появлении новой группы населения рядом с поселением возникает второй могильник с иным набором женских украшений, но погребальный обряд остается практически неизменным. Поражает выбор места для нового могильника — находящийся в низине небольшой бугорок с тяжелой глинистой почвой. Такой выбор кажется особенно странным, если учесть, что гряда, на которой располагается первый некрополь, имела очень большую протяженность и весьма привлекательные в топографическом плане участки с песчаной почвой. Здесь могли свободно разместиться несколько могильников, равных по размерам Кладовке II. Причины возникновения нового, обособленного, могильника остаются пока неясными. Пытаясь понять их, необходимо иметь в виду, что на обоих некрополях к настоящему моменту исследованы лишь небольшие по площади участки, и полных данных о хронологии, особенностях погребального обряда и инвентаря этих могильников мы пока не имеем.

Нерешенным остается и вопрос об исходном районе, откуда в конце X в. на Крутик могла прийти новая группа населения. В Минино, как и на остальной территории Белозерья, в этот период фиксируются серьезные сдвиги в материальной культуре. В керамическом наборе, ассортименте бытовых вещей и украшений доминирующее положение занимают элементы, связанные своим происхождением с западным по отношению к Белому озеру кругом древностей, в первую очередь — прибалтийско-финским (Макаров, 1989, С. 89–96). При этом вместе со сменой погребального обряда происходит и смена ансамбля женских украшений. Если для погребений по обряду кремации его можно определять как поволжско-финский, близкий мерянскому, то в ингумациях начала XI в. он уже близок женскому убору центральных районов Новгородской земли и древнерусских областей Верхневолжья (Макаров, 2009, С. 96–97). Учитывая эти тенденции, можно полагать, что и на Крутик новые переселенцы приходят с Запада. В таком случае особое внимание привлекает тождественность погребального обряда вновь прибывших обитателей Крутика и старожил, что резко отличает складывающуюся здесь ситуацию от ситуации в Минино. Вместе с тем вещевой инвентарь могильника Кладовка II не позволяет настаивать на безусловной верности высказанного предположения. И лунницы, и шиферные пряслица относятся к числу предметов, широко распространенных на всей территории Руси и не имеющих четкой локализации. Для решения поставленного вопроса необходимы дальнейшие раскопки. Однако вне зависимости от их результатов уже сейчас ясно, что новые группы населения, появляющиеся на территории центрального Белозерья в X в., были весьма разнородны по своим культурным традициям. Поражает та легкость и свобода, с которой новоприбывшие расселялись в уже существовавших поселках и вливались в сложившиеся здесь коллективы, образовав за весьма короткий срок новое единство, которое спустя всего ¼ века от описываемых событий было

обозначено в известной летописной статье 1071 г. термином «белозерцы». При этом невозможно избавиться от ощущения, что люди, оставившие могильники в Минино и на Крутике, совершенно иначе относились к некоторым вещам, которые мы, по сложившейся в археологии традиции, склонны рассматривать в качестве важных, или даже важнейших этноопределяющих признаков.

Литература

- Белецкий С.В.* Начало Пскова. СПб., 1996.
- Башенькин А.Н.* Вологодская область в древности и средневековье // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997.
- Голубева Л.А.* Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М., 1973.
- Голубева Л.А., Кочкуркина С.И.* Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск, 1991.
- Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.
- Захаров С.Д.* Новые полевые исследования средневековых памятников Белозерья // Институт археологии: Новые полевые исследования. М., 2010. С. 94–95.
- Захаров С.Д.* Новые полевые исследования средневековых памятников Белозерья // <http://www.archaeolog.ru/index.php?id=233> [Электронный ресурс] (в ссылке обозначается как Захаров, 2010а.)
- Макаров Н.А.* Средневековые памятники Белозерской округи (археологическая карта и комментарий) // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М., 1988.
- Макаров Н.А.* Новгородская и ростово-суздальская колонизация в бассейнах озер Белое и Лача по археологическим данным // СА. 1989. № 4.
- Макаров Н.А.* Лепная керамика поселения Крутик // Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск, 1991.
- Макаров Н.А.* Культурная идентичность и этническая ситуация на окраинах // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 томах. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество, культура. М., 2009.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е.* Мининский археологический комплекс: погребальные памятники // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. 1: Поселения и могильники. М., 2007.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.
- Макаров Н.А., Новикова Г.Л.* Могильник Крохинские Пески — некрополь Белоозера X–XIII вв. // Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.